

Меньшиков Михаил Осипович

Думы о счастье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Осипович М.**
Думы о счастье / Меньшиков Михаил Осипович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
180 с.

ISBN 978-5-519-96251-3

ISBN 978-5-519-96251-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такова бѣдная природа человѣка, сго вѣковѣчная доля... Но дальше поэтъ пробуетъ утѣшить и оправдать человѣка:

Но всегда въ туманѣ міра
Сердцемъ онъ распознавалъ
Ложь житейскаго кумира,
Вѣчной правды идеаль...
И повѣрь, настанутъ годы,—
И полнѣе и сильнѣй
Чувства правды и свободы
Оживутъ въ сердцахъ людей...

Эта послѣдняя надежда, что когда-то «настанутъ годы» и оживетъ все то, чѣмъ радостна жизнь, эта робкая надежда мнѣ показалась особенно жалостной и горькой. Когда-же настанутъ они, эти желанные годы?

Поэтъ, написавшій стихотвореніе, ихъ не дождался. Черезъ немного дней послѣ этого онъ совершенно неожиданно для всѣхъ лишилъ себя жизни. Онъ выбралъ сильнѣйшій ядъ, приготовился, написалъ письма, и на зарѣ, когда всходило туманное петербургское солнце онъ прервалъ свою еще недолгую и какъ всѣмъ казалось—безпечальную жизнь...

Я близко зналъ бѣднаго поэта *. Ему было около 40 лѣтъ, онъ имѣлъ несомнѣнный талантъ, пользовался здоровьемъ, матеріальнымъ достаткомъ, не былъ связанъ ни семьей, ни заботой; страстный охотникъ и любитель природы, онъ любилъ путешествовать; задушевный и интеллигентный, онъ могъ черпать счастье изъ всѣхъ сокровищъ науки, литературы и общественной жизни. Необъяснимая загадочная смерть, какъ и всѣ подобныя смерти. Пусть доктора говорятъ о «нервномъ разстройствѣ», о «подавленномъ состояніи», о «навязчивой идеѣ»—все это внѣшніе признаки какого-то страннаго и темнаго процесса, неразгаданнаго, какъ сама жизнь. Я знавалъ многихъ самоубійцъ—и роковой конецъ ихъ всегда казался для меня внезапнымъ и въ то-же время безотчетно-необходимымъ.

*) Вячеславъ Александровичъ Гайдебуровъ, † 15 февр. 1894 г.

Другой мой знакомый, одинъ генераль-морякъ застрѣлился въ тотъ самый день, когда печатался приказъ о назначеніи его на очень крупный постъ. Генералу было всего около пятидесяти лѣтъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ милый и добрый, имѣлъ ученое имя, былъ богатъ и имѣлъ счастливую семью. Онъ отличался религіозностью, ревностью къ службѣ, замѣчательной честностью и умѣренностью въ жизни. Рѣшительно никакихъ, повидимому, причинъ для самоубійства не существовало. Говорили, что генераль страдалъ нервами,—но кто-же ими не страдаетъ? Онъ совершилъ надъ собою казнь сознательно, приготовившись за нѣсколько дней. Дочь играла на роялѣ, онъ поцѣловалъ ее и выстрѣлилъ себѣ въ сердце... Что довело его до ужасной развязки? Стало «скучно жить на свѣтѣ», какъ въ предсмертныхъ запискахъ пишутъ эти несчастные. Помню еще самоубійцу—молодого офицера, замѣчательнаго красавца. Онъ имѣлъ шумный успѣхъ у женщинъ прекрасное здоровье; жизнь безпечальная разстилалась передъ нимъ. И вотъ однажды, одѣвшись по походному, онъ вышелъ за крѣпостную стѣну и выстрѣлилъ себѣ въ лобъ. Рука не дрогнула... И сколько я помню молодежи, сверстниковъ моихъ, покончившихъ съ собою безъ всякихъ, сколько-нибудь уловимыхъ причинъ: нельзя-же считать причиною то, на примѣръ, что человѣкъ проигралъ деньги, не получилъ обѣщаннаго отпуска, не дождался на свиданіе женщины, которою увлекся. Очевидно, это были не причины, а послѣднія капли уже въ переполненной чашѣ горя. Но какого горя? Откуда оно?

При видѣ человѣка, котораго всѣ считали счастливецомъ и который лежитъ передъ вами «бездыханенъ, безгласенъ», бѣжавшій въ объятія смерти, вы чувствуете какое-то неразрѣшимое, тяжелое недоумѣніе. Вы смутно сознаете, что стоите въ центрѣ какихъ-то трагическихъ жизненныхъ процессовъ, невидимо росшихъ тутъ-же около васъ, въ эти сѣрые будни, въ монотонной бур-

жуазной обстановкѣ, гдѣ, казалось-бы, невозможны никакія драмы, гдѣ жизнь сплетена изъ мелкихъ радостей и мелкихъ печалей. «Счастливый человѣкъ» — и вдругъ лежитъ передъ вами раздавленный неожиданнымъ душевнымъ переворотомъ; убитый возмущившимся въ немъ духомъ, потребовавшимъ его казни...

И самоубійства растутъ, растутъ въ ужасающемъ числѣ, захватывая всѣ возрасты и состоянія, всѣ — даже высшіе предѣлы «счастья», и даже высшіе — по преимуществу.

II.

Что-же такое счастье? Я думаю, если-бы можно было разобрать хорошенько жизнь «счастливыхъ» самоубійцъ, которые неизвѣстно почему бѣжали отъ своихъ денегъ, орденовъ, чиновъ, отъ своей молодости и красоты, отъ праздности и комфорта, — если-бы изслѣдовать ихъ жизнь, приведшую къ отрицанію жизни, — быть можетъ, мы поняли-бы, что такое счастье. Невозможно, къ сожалѣнію, вскрыть душу самоубійцы, какъ вскрываютъ его тѣло, чтобы опредѣлить психическій ядъ, его убившій; но та боль и страхъ, которые вами овладѣваютъ при видѣ жертвы, не есть-ли вскрытіе вашей собственной души? Не испытываетъ-ли она при этомъ тѣ-же состоянія, какія въ сильнѣйшей степени испытывалъ самоубійца? Я думаю, что чужую душу слѣдуетъ изучать по своей собственной, и именно въ себѣ искать разгадку гнетущей тайны самоубійства. Какъ-бы вы ни были далеки отъ погибшаго, всегда при вѣсти о самоизгнаніи его изъ жизни васъ начинаетъ мучить въ тайныхъ уголкахъ сердца какое-то тревожное сознаніе, что какимъ-то образомъ и вы причастны этой смерти, какъ-будто и вы въ чемъ-то виновны. Точно пришедшій къ вамъ гость вдругъ уходитъ раньше времени, обидѣвшись чѣмъ-то или соскучившись. Такъ и здѣсь: невольно говоришь себѣ: можетъ быть, и не убилъ-бы онъ себя, еслибы я во-время подошолъ къ нему и

заглянулъ въ его душу, еслибы я какъ родной братъ къ брату приблизился къ нему и взялъ на себя половину его ужаса, погоревалъ-бы съ нимъ, поплакалъ-бы, обнялъ-бы его и умолилъ его пощадить себя... Можетъ быть, не было-бы мертвеца, еслибы общество близкихъ окружило его жизнью, нѣжнымъ дыханіемъ любви, еслибы кто-нибудь вошелъ въ его внутренніе душевные интересы и раздѣлилъ-бы частичку ихъ тяготы... На обществѣ живыхъ лежитъ смерть погибшихъ, «всѣ виноваты за всѣхъ», какъ говоритъ Достоевскій. И «страшный судъ» совѣсти предъ отшедшимъ, сейчасъ еще полнымъ жизни братомъ говоритъ вамъ: «онъ былъ нагъ» душою и «вы не одѣли его», онъ томился въ темницѣ мрачнаго отчаянія — вы не посѣтили его, онъ алкалъ истинной дружбы — вы не накормили его...

Въ этомъ смутномъ и скорбномъ состраданіи нужно искать разгадку самоубійствъ. Въ нашей сложной, пресыщенной, чувственной жизни недостаетъ стихіи, которою, какъ грудь кислородомъ, дышетъ здоровая душа человѣка, которою она и живетъ, и радуется. Недостаетъ любви, жалости человѣка къ человѣку. Самоубійцы, которыхъ я зналъ близко, были всѣ прекрасные люди, но ихъ всѣхъ можно было назвать «невольными эгоистами». По ихъ природѣ имъ, казалось-бы, свойственно было много и горячо любить, но жизнь ихъ какъ-то такъ слагалась, что они ни къ кому искренно не привязались, и всѣ интересы ихъ какъ-то искусственно замкнулись въ нихъ самихъ, обратились внутрь, а не наружу. -И въ этой тѣснотѣ собственнаго существа человѣкъ психически задыхался. Приходилось жить для себя только, въ «четырехъ стѣнахъ» своего сердца, а это становилось тюрьмою, предъ ужасомъ которой духъ изнемогалъ. Ужасно, возмутительно запереться въ самомъ себѣ и только для себя. Въдѣ на самомъ дѣлѣ внутренняя природа наша шире предѣловъ видимой индивидуальности. «Я» — не только то, что заключается въ

тѣлесной оболочкѣ, но и все то, что я чувствую внѣ себя, что входитъ въ мое сознаніе. Изъ тѣлесной оболочки человѣка какъ-бы исходитъ нѣчто, обнимающее собою виѣшній міръ и какъ-бы присутствующее въ близкихъ мнѣ людяхъ. Я сочувствую и сострадаю этимъ людямъ, значить, душою живу въ нихъ. На крошечной физической основѣ моей держится громадный пространственно психическій организмъ, настоящая жизнь котораго не въ тѣлѣ, а внѣ тѣла, въ слитіи съ другими подобными-же организмами. Есть предрасудокъ, будто человѣкъ любитъ всего больше самого себя. Однако всякій, кто хоть однажды въ жизни искренно любилъ, сознается, что *любить* можно кого угодно, только не себя. Можно желать себѣ разныхъ благъ, страшиться за себя, быть обиженнымъ, можно нравиться самому себѣ (какъ и не нравиться), но никогда не любишь себя и въ малой долѣ той восхищенной, восторженной, стремящейся любви, какъ, напр., въ дѣтствѣ—свою мать или брата, а потомъ — жену, ребенка, друга. Свои потребности удовлетворяешь равнодушно, машинально, а потребности тѣхъ, кого любишь,—съ наслажденіемъ. Больно и страшно самому страдать, но видѣть страданія любимаго существа невыносимо. Жизнь своя безсознательно дорога себѣ, но жизнь искренне любимаго человѣка еще дороже, и чѣмъ естественнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ испорченъ ложною культурой, тѣмъ это чувство проявляется рѣзче; такъ-что въ сущности любить — какъ и ненавидѣть — можно только другихъ,—тотъ маленькій міръ близкихъ, въ которыхъ живешь душою. И вотъ эта-то любовь и есть основное психическое условіе счастья, душевное дыханіе, безъ котораго человѣкъ умираетъ.

...Нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ какъ дымъ..

Настоящее человеческое «я» есть «мы», и только въ такой формулѣ оно счастливо и покойно. «Всякому необходимо, чтобы было къ кому-нибудь пойти», не-

обходимо, чтобы ваша любовь была встрѣчена любовью, нужно, чтобы кто-нибудь вамъ привѣтливо улыбнулся и «пожалѣлъ» васъ, помечталъ-бы съ вами, посмѣялся. Не даромъ древніе мудрецы, тончайшіе цѣнители счастья, высшимъ благомъ считали дружбу. Прочтите рѣчи Сократа о дружбѣ, Цицерона (о Сципіонѣ) или трогательныя и глубокія письма Сенеки къ Люцилію. То-же убѣжденіе въ благѣ дружбы выражаетъ и вѣковая мудрость народовъ во множествѣ пословицъ. Дружба скрашиваетъ дни жизни даже колоднику въ рудникѣ; самая тяжкая кара, замѣняющая смертную казнь — одиночное заключеніе. Вотъ я и думаю, что «счастливые» самоубійцы — тѣ, которыхъ жизнь дѣлаетъ невольными узниками, лишенными не только свѣта, но и воздуха счастья, лишенными любви человѣческой...

III.

Если любовь есть основное условіе счастья, спрашивается, кто мѣшаетъ каждому любить людей? Вѣдь даже какой-нибудь бѣднякъ-сапожникъ любитъ свою грязную и изнуренную жену-прачку, имѣетъ пріятелей, такихъ-же оборванцевъ, и насыщаетъ-же онъ какъ-нибудь свои потребности любви и дружбы. Не легче-ли это въ средѣ культурныхъ, изнѣженныхъ классовъ съ ихъ утонченнымъ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ?

Нѣтъ, не легче; я думаю, что даже труднѣй. Культурная жизнь, соединяя громадныя людскія массы механически, разъединяетъ маленькія естественныя психическія группы, въ которыхъ только и можетъ жить человѣкъ; разрушаетъ тѣсныя семейныя и родовыя кружки людей, столь крѣпкіе въ прежнія времена. Пути сообщенія — желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, газеты, книги соединяютъ человѣчество, но не сближаютъ людей до непосредственнаго, сердечнаго общенія; они даютъ возможность имѣть въ сто разъ больше знакомыхъ, но часто отрываютъ отъ васъ немногихъ истинныхъ друзей.

Старинныя, мало-подвижныя времена были выгоднѣе для семьи и дружбы; большинство людей тогда гдѣ родились, тамъ и росли и кончали жизнь, въ чертѣ своего околотка, среди нѣсколькихъ десятковъ односельчанъ. Теперь-же и образованный, и рабочій классъ кочуютъ съ раннихъ лѣтъ, отыскивая лучшія условія образованія, службы, работы, непрерывно перемѣшиваясь и поминутно обрывая завязывающіяся отношенія; знакомства приобрѣтаютъ мимолетный характеръ, не переходятъ въ дружбу, въ родственное чувство долгаго сожителства. Если гдѣ еще возможна старая, патріархальная общественность, то въ деревнѣ. Деревенскій, постоянный житель знаетъ своихъ односельцевъ съ головы до ногъ, съ ихъ нравами и привычками, съ ихъ затрапезной жизнью, съ ихъ ежедневными событіями за десятки лѣтъ, часто—со дня ихъ рожденія. Только въ деревнѣ, гдѣ все на виду и всѣмъ все извѣстно, возможна общая душевная жизнь цѣлой группы людей, возможно настоящее *единеніе*, сліяніе душъ, только въ деревнѣ возможна *церковь* въ древне-христіанскомъ смыслѣ этого слова. Сравните бытъ деревни съ жизнью большого города; тамъ громада населенія вамъ и близка и столь-же чужда, какъ-бы она жила за тысячи верстъ,—тамъ вы можете двадцать лѣтъ прожить въ своей квартирѣ и не знать даже имени сосѣдей, живущихъ черезъ стѣнку, въ разстояніи полуфута отъ васъ. На разстояніи полуфута, могутъ рождаться, любить, страдать, умирать — и вы никогда не узнаете объ этомъ. Развѣ только отдаленный гулъ рояля иногда напомнить, что за стѣной еще не конецъ свѣта, что тамъ живутъ съ ихъ радостями и печалями такіе-же люди, незнающіе, недогадывающіеся о вашемъ существованіи. Въ городѣ можно имѣть много знакомыхъ, но всѣ они какъ разбредшееся общество въ дремучемъ лѣсу: никто не видитъ другъ друга, всѣ потонули въ темной чашѣ, и нужно каждый разъ разыскать пріятеля, чтобы узнать, что онъ дѣлаетъ. Въ городѣ внутренняя жизнь

даже друзей прикрита, есть условные часы для встрѣчъ, въ которыхъ вторгаться въ домашнюю жизнь ближнихъ не принято. Живя въ городѣ, можно отъ всѣхъ скрыть все, что не хочется открывать; эта возможность разъединяетъ людей сверхъ мѣры, устанавливая лишь немногія и условныя точки соприкосновенія.

Но и кромѣ этихъ, чисто механическихъ причинъ, въ цивилизованномъ быту есть могущественныя психическія условія, отдѣляющія чловѣка отъ чловѣка. Чѣмъ богаче, знатнѣе, образованнѣе чловѣкъ, тѣмъ уже кругъ возможныхъ для него знакомствъ: сынъ крестьянина, дѣлаясь образованнымъ, сразу какъ-бы выселяется изъ многомилліоннаго ему родного міра въ мірокъ изъ нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей, ему равныхъ. Даже и въ этомъ міркѣ образованіе соединяетъ людей менѣе прочно, чѣмъ въ большемъ народномъ мірѣ ихъ сплачивало невѣжество. Чаше всего образованіе разобщаетъ. По условіямъ нынѣшняго просвѣщенія, чѣмъ чловѣкъ ученѣе, тѣмъ онъ болѣе спеціалистъ, т.-е. тѣмъ болѣе чуждъ всему остальному міру. Техникъ, юристъ, филологъ, музыкантъ — если они серьезно преданы своему дѣлу, то имъ очень трудно найти общую почву для душевнаго общенія; въ лучшемъ случаѣ имъ приходится болтать о театрѣ или политикѣ или обмѣниваться замѣчаніями о погодѣ. Вѣдь еслибы стенографировать любой разговоръ въ гостинныхъ, то за рѣдкими исключеніями — такая запись дала-бы своего рода *testimonium paupertatis*, почти клиническую картину духовной бѣдности людей, — и людей, въ отдѣльности, не глупыхъ, а иногда отмѣнно умныхъ. Въ Петербургѣ я знаю одно общество людей изысканной интеллигенціи, съ именами, извѣстными всей Россіи, людей, собирающихся по понедѣльникамъ для бесѣдъ о литературѣ. Можно подумать, что тутъ-то ведутся живыя, одушевленные рѣчи, тутъ-то идетъ искрометный обмѣнъ мысли. На самомъ дѣлѣ, на этихъ бесѣдахъ, когда ихъ удастся кое-какъ устроить

(обыкновенно никто не ходитъ), царить гнетущая скука или пустѣйшее словоизверженіе какого-нибудь болтуна. Даже простая деревенская сходка содержательнѣе, искреннѣе и интереснѣе, чѣмъ это сборище «извѣстностей». Но каждая «извѣстность» мертва только здѣсь; въ иномъ, интимномъ кружкѣ она очаруетъ васъ умомъ, талантомъ, образованіемъ, знаніемъ жизни, остроуміемъ. Что-же это значитъ? А только то, что въ «обществѣ» члены недостаточно близки другъ съ другомъ, а потому—стѣсняются. Удобно-ли предъ почти незнакомыми людьми раскрывать свою душу, завѣтныя,—самыя дорогія мысли? Полузнакомство, нѣсколько сближая людей, всѣхъ какъ-бы парализуетъ, а близкую дружбу установить при условіяхъ городской жизни трудно. Цѣлыми годами, десятилѣтіями, всю жизнь продолжаются такія полузнакомства: сниманье шляпъ при встрѣчахъ, пожиманье рукъ, два-три слова о какой-нибудь злобѣ дня. «Бывать» у такого знакомаго такъ-же не принято какъ и «принимать» его у себя.

Города переполнены специалистами, а специализмъ уже по существу своему разобщаетъ людей. Чѣмъ инженеръ можетъ подѣлиться съ литераторомъ или художникомъ? Оба они (въ большинствѣ случаевъ) рабы своихъ профессій, оба замуравлены въ своемъ ремеслѣ и выглядываютъ изъ него на міръ Божій какъ узники сквозь крохотное оконце; ничего интереснаго изъ него не видно. Бываютъ, правда, выдающіеся специалисты, которыхъ духовной жажды хватаетъ и на другіе предметы, но это рѣдкость. Кругъ умственныхъ привязанностей суживается для цивилизованнаго человѣка предѣлами его труда, но и немногіе представители этого труда разбросаны по отдаленнымъ угламъ города и самая работа ихъ разъединена: медики, на примѣръ, лѣчатъ совершенно различныхъ пациентовъ, адвокаты защищаютъ различныя дѣла. Это не то, что въ деревнѣ, гдѣ Сидоръ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Карпомъ выѣзжаетъ на поле и пашетъ рядомъ,

и сѣсть рядомъ и жнеть рядомъ. Культурныя профессіи слишкомъ отграничились другъ отъ друга, подраздѣлились, обособились до мелочей. Трудъ — содержаніе жизни — теряетъ свой общественный, союзный характеръ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и сама общественность. Нужна бываетъ какая-либо искусственная «общая почва» для поддержанія общества: на Западѣ — лихорадочная «политическая жизнь», у насъ — «общественныя развлеченія». Не будь политической борьбы на Западѣ или у насъ журналовъ да театровъ — не было-бы и той тѣни единенія, которая теперь называется «общественнымъ мнѣніемъ». Современная цивилизація убиваетъ истинное, живое общество, — то, которое создается лишь очевиднымъ, ежедневнымъ общеніемъ, общество *органическое*, всегда *небольшое* по числу членовъ (слишкомъ большихъ организмовъ не бываетъ), и сбиваетъ мелкія общественныя клѣточки въ массу механически связанныхъ между собою атомовъ, другъ другу чуждыхъ. Современное общество не организмъ, а машина, всѣ части которой тѣсно связаны и всегда одиноки: ихъ не орошаетъ общая кровь изъ общаго сердца, не питаетъ ихъ и не согреваетъ. Чувство *родства* замѣняется сознаніемъ *зависимости*. Общество изъ семьи превращается въ толпу, гдѣ каждый среди чужихъ. Можно и въ толпѣ чувствовать общія настроенія: слѣдя за жизнью міра, какъ за театральной сценой, вы вмѣстѣ съ партеромъ смѣетесь или плачете, но эта радость и эта печаль и общи, и одиноки: справа и слѣва сидятъ незнакомцы, которыхъ черезъ часъ вы забудете, какъ и они васъ.

IV.

Слишкомъ сложный, слишкомъ искусственный городской бытъ затрудняетъ жизнь даже мельчайшей ячейки общества — семьи, которой иногда одной достаточно для счастья. «Только тотъ счастливъ, кто счастливъ дома»,